

Сальков А.П. СССР в дипломатической борьбе за урегулирование Югославо-Итальянского конфликта вокруг Юлийской Крайны и Триеста (июль 1945 – июль 1946 г.) / П.А. Сальков // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.18–39.

А. П. САЛЬКОВ

СССР В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА УРЕГУЛИРОВАНИЕ ЮГОСЛАВСКО-ИТАЛЬЯНСКОГО КОНФЛИКТА ВОКРУГ ЮЛИЙСКОЙ КРАЙНЫ И ТРИЕСТА (июль 1945 — июль 1946 г.) *

Национально-территориальный конфликт в Юлийской Крайне (Венеции-Джулии) и Триесте (Тырсте) имел богатую многовековую предысторию. По итогам Первой мировой войны населенный югославянами и итальянцами регион отошел к Италии. С началом фашистской агрессии против Югославии в апреле 1941 г. и вплоть до выхода Италии из войны в июле 1943 г. он был полем нескольких территориальных переделов между Германией, Италией и Независимым государством Хорватия. На завершающем этапе Второй мировой войны будущая югославо-итальянская граница была важным элементом планирования послевоенного устройства Советским Союзом, Великобританией и США, Югославией [подробней см. 1, с. 9—30]. Формирование западной югославской границы и связанный с этим конфликт с Италией стали предметом рассмотрения югославских и советских историков социалистического периода [2; 3; 4], известных западноевропейских авторов [5; 6; 7; 8]. Тема получила свое развитие на более широкой источниковой базе в новейшей хорватской, словенской, черногорской историографии [9; 10; 11; 12; 13], у российских [14; 15], украинских [16] и отечественных [17] авторов. Среди немногих исследований по проблеме, выполненных в последние годы западноевропейскими историками, следует особо выделить солидную монографию австрийской исследовательницы Виктории Стадлмайер «Не быть разменной монетой в территориальном вопросе: Южный Тироль, Триест и Алчиде Де Гаспери (1945—1946)». Она посвящена дипломатическим усилиям министра иностранных дел Италии А. Де Гаспери по разрешению территориальных проблем его страны накануне и в период работы Парижской мирной конференции: отклонению австрийских претензий на итальянский Южный Тироль, где проживало 200 тыс. чел. немецкоязычного населения, и достижению определенных результатов в районе спорного Триеста со смешанным славянско-итальянским населением [18]. При этом ряд актуальных аспектов, и в первую очередь роль СССР в урегулировании югославо-итальянского конфликта, не получили в зарубежной и отечественной историографии достаточно полного освещения.

Проблема Истрии — Триеста на Берлинской конференции. На союзнической конференции, которая проходила в Потсдаме 17 июля — 2 августа 1945 г., была предпринята попытка широко обсудить территориальную проблему Истрии—Триеста. Накануне, на встрече наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом 16 июля, еще слышались отголоски грандиозного Триестинского кризиса мая — июня 1945 г., ставшего первым предвестником холодной войны. На замечание Идена о недовольстве англичан поведением главы объединенного югославского правительства И. Броз Тито Молотов ответил: «Тито обижен из-за Истрии... Со временем там все наладится» [19,

док. 1, с. 38—39].

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2006—2010 гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» (ГКПНИ «История и культура»).

Сальков Анатолий Петрович — заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

19 июля Великобритания внесла «Предложение по югославо-итальянскому вопросу», обвинив Тито в невыполнении ялтинских решений о Югославии. Сталин на пленарном заседании в тот же день попытался снять вопрос. Однако западные делегации продолжали в ходе работы конференции настаивать на обсуждении английского документа. Советская делегация предприняла ответный ход. 30 июля она внесла «Предложение в связи с положением в районе Триест—Истрия». Советский документ основывался на содержании письма руководителей Демократической федеративной Югославии (ДФЮ, название государства в ноябре 1943 — ноябре 1945 г.) — И. Броз Тито и министра иностранных дел И. Шубашича (в июне 1944 — марте 1945 г. — премьер-министр югославского эмигрантского правительства в Каире), полученного И. В. Сталиным 26 июля. В нем говорилось о невыполнении

Англией и США Белградского соглашения от 9 июня 1945 г. об установлении временной военной администрации в этом районе, а также указывалось на восстановление здесь итальянских фашистских законов и властей [19, док. 8, с. 88—89; док. 42, с. 324—325; док. 131, с. 426—427].

Развивая натиск, СССР 31 июля внес «Предложение по вопросу о Греции», обвинив ее в несоблюдении Варкизского соглашения 12 февраля 1945 г. (заключено после высадки английских войск в Греции, почти полностью освобожденной от оккупантов прокоммунистическим Национально-освободительным фронтом). Британская делегация оказалась в весьма щекотливом положении. Новый (с 28 июля 1945 г.) глава Форин офис Э. Бевин на вечернем заседании 31 июля предложил отказаться от рассмотрения всех трех предложений: английского о Югославии и двух советских — о Триесте — Истрии и о Греции, с чем все согласились [19, док. 26, с. 264; док. 143, с. 438].

Мировые лидеры, едва пережив Триестинский кризис, по существу, устрашились ставить и решать на Берлинской конференции проблему Истрии — Триеста. Это можно было объяснить осознанием того, что данная проблема далеко вышла за рамки территориального спора между Югославией и Италией. Она переросла в непримиримое столкновение двух государственно-идеологических систем по крайней мере двух противоположных взглядов на понимание и способы реализации принципов послевоенного устройства Европы. Показательным в этом отношении стало мнение заместителя госсекретаря США в годы войны С. Уэллеса, высказанное им позже. Активный творец американской внешней политики декларировал: «Триест — это итальянский город. Для всего итальянского народа он является кульминацией Рисорджименто — их окончательного освобождения от австрийского правления. Это экономический и политический аванпост Италии против славянского мира на Востоке. Если Италия будет лишена Триеста, итальянцы будут затоплены приливом волны ирредентизма и крайнего национализма, которая надолго задержит их демократическое развитие» [14, с. 214].

Важным обстоятельством для Москвы было и то, что в Потсдаме начала практически формироваться архитектура послевоенной Европы. Однако в перечне советских приоритетов западное побережье Истрии явно не занимало первых позиций. Заведующий Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитров имел с В. М. Молотовым беседу о решениях Берлинской конференции, в частности касающихся Болгарии и Балкан. Он записал 6 августа 1945 г. в дневнике: «Основное в том, что эти решения выгодны для нас. Регион фактически признан как наша (СССР) сфера влияния» [20, с. 261].

На Потсдамской конференции был учрежден Совет министров иностранных дел Великобритании, СССР, США, Франции и Китая (СМИД) для подготовки мирного урегулирования и решения территориальных вопросов. Именно этому органу (за период 1945—1949 гг. состоялось шесть его сессий) предстояло погасить национально-территориальные конфликты и создать условия для сохранения мира в Европе.

Использование проблемы Триеста во внутривнутриполитической борьбе в Югославии и Италии. В югославских политических условиях, сложившихся после создания в марте 1945 г. в соответствии с решениями Ялтинской конференции объединенного правительства, вопрос о коали-

ционным способе осуществления власти являлся постоянной болевой точкой для довоенных партий, находившихся в оппозиции к КП Югославии (КПЮ). Лидер Радикальной партии М. Милосавлевич в письме советскому послу в Белграде И. В. Садчикову от 8 июля 1945 г., пытаясь найти понимание в Москве, подробно говорил о необходимости замены Временного правительства И. Броз Тито на коалиционное. В числе аргументов был и такой: «Перед нами стоят многие нерешенные вопросы в отношении наших границ. Первый на очереди — вопрос Триеста, который никогда не в состоянии положительно решить правительство маршала Тито, которое вполне потеряло союзническое доверие» [21, док. 63, с. 217].

Руководство Итальянской КП (ИКП), исходя из своих позиций и установок, также продолжало искать пути решения триестинского вопроса. Генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Италии, член политбюро ЦК ИКП Дж. ди Витторио, находясь во главе профсоюзной делегации в СССР, выполнил поручение Тольятти «поставить в конфиденциальном порядке на рассмотрение самых ответственных товарищей предложение о том, каким образом можно было бы разрешить вопрос о Триесте и Венеции-Джулии в наших общих интересах». 5 августа 1945 г. он обратился с письмом к Сталину и Молотову. После ритуальных фраз о том, что руководство ИКП «не будет публично выступать с этим предложением без Вашего одобрения», будет «защищать всеми силами решение, которое Вы нам рекомендуете, каково бы оно ни было», ди Витторио изложил условия, в которых выработывалось предложение Тольятти и его суть. Сообщалось, что вопрос о Триесте используется в Италии в качестве главного повода для изоляции ИКП. В недалеком прошлом лозунг «Триест —

итальянский город» был «знаменем для итальянской демократии и частично для рабочего движения» в борьбе против Австро-Венгрии и союза Италии с кайзеровской Германией, став весьма популярным среди народных масс. В ходе триестинского кризиса мая — июня 1945 г все партии Национального комитета освобождения, включая социалистов, активно поддержали требование националистов к правительству об обращении к Англии и США на предмет оккупации ими Венеции-Джулии [22, л. 89—90].

В этой обстановке, писал Дж. ди Витторио, ИКП приходилось «лабиринтировать», чтобы не предстать как антинациональная партия». Поэтому с учетом всех этих обстоятельств Тольятти предложил «на известный период полную политическую и таможенную автономию города Триеста и спорной области путем прямых переговоров» между Италией и Югославией, которые и выступили бы гарантами данной автономии. Спустя 2—3 года предусматривалось окончательное решение вопроса через плебисцит. В письме сообщалось, что всеобщие симпатии, включая пролетариат Триеста, находятся на югославской стороне. При режиме автономии все органы власти ориентировались бы на демократическую Югославию, которая «могла бы таким образом фактически управлять областью» [22, л. 91—92].

Спор о Юлийской Крайне на I (Лондонской) сессии СМВД. Спор о Юлийской Крайне вступил в новую фазу на I сессии СМВД в Лондоне (11 сентября — 2 октября 1945 г.). Здесь началась выработка мирного договора с Италией (как государства, первым капитулировавшего перед союзниками и объявившего войну Германии), который должен был определить и югославо-итальянскую границу. Реальная линия раздела, существовавшая на тот момент, была определена Белградским соглашением Югославии с Англией и США от 9 июня 1945 г., закрепившим положение, которое предусматривалось еще «соглашением Тито—Алексан-дер» (февраль 1945 г.). Отдельным соглашением от 20 июля между начальником штаба союзных войск в Италии генерал-лейтенантом У. Морганом и начальником штаба НОАЮ генерал-лейтенантом А. Йовановичем была определена линия демаркации (так называемая линия Моргана). Она делила Венецию-Джулию на две зоны — зону «А» (северо-западная часть края с Триестом и анклав Пулы на южной оконечности Истрии), оккупированную союзными англо-американскими войсками, и зону «Б» (остальная, большая часть края), контролируемую вооруженными силами Югославии [23, стр. 368—371].

Накануне открытия сессии вопрос об итало-югославской границе был рассмотрен на заседании политбюро ЦК ВКП(б), где все требования Югославии были поддержаны. В решении от 6 сентября 1945 г. касательно Триеста было записано: «После прошлой войны Италия получила Триест по той причине, что он был ей обещан за ее участие в войне. Италия все же враг и оставление Триеста под итальянским суверенитетом для Советского Союза неприемлемо». Были также приняты директивы для советской делегации на I сессии: добиваться участия Югославии в обсуждении мирного договора с Италией, отстаивать присоединение к Югославии всей Венеции-Джулии, в крайнем случае, согласиться на объявление Триеста свободным портом под югославским суверенитетом [24, с. 68]. Сталин, инструктируя лично Молотова как главу советской делегации, предвидел возможную увязку рассмотрения мирных договоров с Болгарией и Румынией, чьи правительства не признавались Западом, с обсуждением договора с Италией. Его не пугала даже перспектива сепаратного заключения мирных договоров с тремя бывшими сателлитами Германии. При этом Сталин предупредил Молотова: не следует опасаться того, что сессия «окажется без совместных решений», «союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю и заставить пойти на уступки. Ясно, что ты должен проявить полную непреклонность» [25, с. 56—57]. Похоже, возможный провал I сессии СМВД был более предпочтительным, чем безрезультатные переговоры и взаимные уступки, причем для обеих сторон.

Обреченный форум начал свою работу. В первые же дни сессии на рассмотрение были внесены четыре проекта мирного договора с Италией, важным элементом которого являлась линия будущей итало-югославской границы. Британский, американский и французский проекты предусматривали раздел в несколько отличающихся пропорциях Юлийской Крайны, но с неизменным оставлением за Италией западной части Истрии с Триестом. Советский проект позволял воссоединить всю Юлийскую Крайну и Словенское Приморье с Югославией. Триест в качестве федеративной единицы также предлагалось передать ДФЮ, объявив свободным портом под управлением международной комиссии.

По требованию СССР на сессию была приглашена югославская делегация (для изложения своей точки зрения о границе, но не для участия в обсуждении договора). Она была прекрасно подготовлена к дискуссии, 18 сентября внесла масштабный Меморандум, сделала ряд заявлений. В Меморандуме, зачитанном вице-премьером ДФЮ Э. Карделем, акцентировался ряд важных положений: 1) Проблема Юлийской Крайны одновременно представляет и крупный хозяйственно-политический вопрос страны, для которой в Рапалло был закрыт естественный выход к морю, и национально-территориальную проблему. Причем для словенского народа эта проблема не является «вопросом сентиментального

порядка или эгоистической тенденции к расширению границ, а вопросом жизни, нормального развития и самого его существования». 2) Масштаб югославских территориальных претензий охватывает (по старому итальянскому административному делению) Триестинскую, Пульскую и Ри-екскую провинции в Истрии, Горицкую и часть провинции Видим (Удине) в Словенской Каринтии, провинцию Задар (Зара) в Далмации общей площадью почти в 10 тыс. кв. км и населением в 970 тыс. чел., из которых 650 тыс. югославов и 320 тыс. итальянцев, немцев и других [26, л. 27]. 3) Особое значение имеет не столько удельный вес югославов и итальянцев на данных территориях, сколько характер их расселения. Свыше 9 тыс. кв. км заселены словаками и хорватами, и лишь на площади 0,9 тыс. кв. км они проживают с итальянцами в смешанном составе. Половина всех итальянцев живет в Триесте, остальные — в других приморских городах, составляя здесь большинство населения. Тем самым итальянское меньшинство края расселено спорадически, проживает исключительно в этически изолированных городах и не связано между собой совместной территорией. 4) Юлийская Крайна трактуется как этническое и экономическое целое, которое нельзя разрывать. Города западного побережья Истрии — Тирст (Триест), Пула (Пола), Риека (Фиуме) — вообще не могут суще-

ствовать самостоятельно без своего естественного словенского хинтерланда. В этом смысле «нельзя сказать, что Юлийская Крайна принадлежит к Триесту, а, наоборот, Триест принадлежит ко всему своему хинтерланду». Хозяйство края веками, вплоть до 1918 г., развивалось вместе с остальной югославской территорией, создав переплетение торговых связей, промышленного разделения труда и путей сообщения [26, л. 27 об. — 28]. 5) Народ Юлийской Крайны вел упорную борьбу против итальянской, а позже германской армии. В 1942 г. здесь разгорелось всеобщее народное восстание. Исключительно из жителей Юлийской Крайны были сформированы IX и XI корпуса НОАЮ, в которых сражалось 72 тыс. чел. (8 % населения), 42 тыс. бойцов и гражданского населения Юлийской Крайны погибли в этой борьбе. На территории края было проведено 4,2 тыс. значительных боевых операций, сковавших до 100 тыс. вражеских солдат, железные дороги края из-за партизанских акций работали на 16 % своей пропускной способности, что оказало существенную поддержку союзным силам в Северной Африке и Италии. Из общей численности населения края — 84 тыс. чел. были угнаны на принудительные работы в Италию, 87 тыс. чел. принудительно мобилизованы, 128 тыс. чел. депортированы [26, л. 28—28 об.].

Опираясь на свой Меморандум, югославская делегация, поддержанная СССР, сформулировала следующие требования к югославо-итальянской границе. 1) Бывшая австро-венгерская территория, населенная в южными славянами, которая по Рапалльскому соглашению 1920 г. вопреки принципу самоопределения наций была передана Италии, должна быть присоединена к Югославии. 2) В качестве основы следует принять старую австро-итальянскую границу, которую нужно исправить так, чтобы она максимально совпадала с этнической границей. Для этого на ее южном фланге Италии отходило 198 кв. км с 28 тыс. жителей, на северном — Югославии 900 кв. км с 89 тыс. жителей. 3) Исправленная подобным образом граница по причинам экономического, особенно транспортного, характера отступит на трех участках от этнической границы. 4) Триест должен получить особое положение на правах федеральной единицы в составе ДФЮ. 5) Триестинскому порту Югославия представит положение свободного порта с транзитными железнодорожными льготами [26, л. 28 об.].

В тот же день были сделаны два югославских заявления. Член делегации Л. Леонтич обосновал с географической и экономической точки зрения взаимосвязи югославского хин-терланда с Триестом как портом и промышленным центром. Их разделение означало бы разрыв естественного индустриального целого и упадок Триеста. Это уже имело место в межвоенный период, когда объем портового морского тоннажа сократился на 43 % [26, л. 28 об. — 29]. Министр информации С. Касанович сделал в своем заявлении политический обзор адриатической проблемы, в условиях которой Италия пыталась в ходе двух мировых войн превратить Адриатику в итальянское море — «Маре нострум». В результате такой политики Италия в 1941—1943 гг. подвергла оккупации 32 % югославской территории, на которой погибло 457 тыс. югославов, 127 тыс. было ранено, 109 тыс. интернированы в концлагеря. Поэтому ДФЮ всего лишь требует устранить старую несправедливость и не делать новой, для чего следует установить этническую границу, которая к тому же является «самой короткой и приведет к наименьшим конфликтам» [26, л. 30—30 об.].

Выступление министра иностранных дел Италии А. Де Гаспери (возглавлял итальянскую делегацию, также получившую приглашение) изобиловало рядом малоубедительных положений. Он обвинил Югославию в применении «права первого оккупанта», что повлекло, вопреки соглашению Тито—Александр, заключение тысяч итальянцев в югославские лагеря вместо их репатриации. Кроме того, упрекнул югославскую делегацию в использовании «тактики представления максимальных предложений, с тем чтобы затем иметь возможность прибегнуть к альтернативным предложениям».

Вместе с тем он заявил, что Италия во время Первой мировой войны ценой гибели 600 тыс. своих граждан не только освободила Тренто и Триест, но и была «среди создателей независимости сербов, хорватов и словенцев», а граница

между двумя странами была установлена «в результате свободного взаимного согласия», воплощенного в добровольно заключенном Рапальском договоре от 12 ноября 1920 г. Де Гаспери привел свою статистику населения Венеции-Джулии, утверждая, что итальянское большинство составляет 550 тыс. чел., а славянское меньшинство — 400 тыс. чел. Вместе с тем он соглашался, чтобы «в пределах разумного» были признаны права и интересы Югославии, и «предпринята попытка включить в славянскую территорию как можно больше славянских групп к западу от нынешней границы... при условии, что это не приведет к экономической разрухе в этом районе». Граница на основе линии Вильсона (1919) принималась как справедливая. В ответной реплике Кардель отклонил все аргументы Де Гаспери и обвинил Италию в империалистической психологии и экономической экспансии: «Италия хочет иметь уголь и поэтому желает получить Хорватскую Истрию. У Италии нет нефти, и поэтому она желает иметь Албанию» [26, л. 31—31 об.].

В дискуссии вступили и министры иностранных дел великих держав. Французский министр Ж. Бидо скептически отзывался о линиях Вильсона (1919) и Моргана (1945), а также и о Рапальской границе, предложив оставить Триест за Италией, а триестинский порт сделать свободным портом под международным контролем. Он внес важное предложение, дать на сессии «директиву о применении этнического принципа», вследствие чего Италии нужно будет отдать югославам значительную территорию. Госсекретарь США Д. Бирнс заявил, что Триест с 1918 г. приобрел значительный хинтерланд в северо-восточной Италии, от связей с которой зависит гораздо больше, чем от связей с Югославией, при том, что Триест вообще не зависит от хинтерланда, поскольку сам себе является таковым. Из этого был сделан вывод, что город «сможет жить под итальянской администрацией», а порт должен быть свободным. Английский министр Э. Бёвин, имея в виду, что население Триеста в своем большинстве итальянское и что город долгое время находился под управлением Италии, предложил оставить Триест при автономном управлении в руках Италии, а порт сделать международным [26, л. 35 об.—36].

В. М. Молотов, несколько раз выступавший на заседании, весьма резко сформулировал, что переход Истрии в руки Италии будет означать захват чужой территории, а вопрос о Триесте нельзя оторвать от вопроса об Истрии, так как его хинтерландом является словенское и хорватское население полуострова. Когда же Триест был оторван от Италии, то он, в отличие от своего извечного экономического соперника Венеции, захирел в руках Италии. Сославшись на положения Атлантической хартии и необходимость обеспечения мира в регионе, Молотов предложил установить этническую югославско-итальянскую границу; сохранить суверенитет Югославии над Триестом с наделением его статусом федеральной единицы; свободный триестинский порт поставить под управление международной комиссии; предусмотреть экономические и транзитные льготы со стороны Югославии для обеспечения международной торговли [26, л. 34 об.—36]. Эти предложения, однако, не были включены в директивы по подготовке мирного договора с Италией, выработанные сессией для совещания заместителей министров иностранных дел. Данные директивы, носившие компромиссный характер, предусматривали формирование границы, приближающейся по своим параметрам к этнической, а также режим порта Триеста под международной юрисдикцией [4, с. 182].

С 22 сентября СМВД прекратил обсуждение мирных договоров. 27 сентября советская делегация получила указание Сталина проявить настойчивость по процедурным вопросам, не останавливаясь даже перед провалом сессии, который «означал бы прежде всего провал Бирнса, по поводу чего не пришлось бы огорчаться». Американская делегация проявила встречную непримиримость. Советник Бирнса на сессии Дж. Ф. Даллес писал впоследствии, что его шеф «не хотел ради соглашения с Советским Союзом идти на компромисс. Тогда-то и родилась наша послевоенная политика — никакого умиротворения» [24, с. 80—81].

2 октября I сессия СМВД закончилась безрезультатно. Ни одно из советских заключительных предложений не прошло. Не было подписано ни одного документа, совместного

коммюнике, даже не был определен срок созыва следующей сессии. Обсуждение проблемы Истрии — Триеста вылилось на ней в острейшую дипломатическую схватку за политическое и экономическое присутствие на Балканах. Западные союзники, смирившиеся с геополитической гегемонией СССР в

восточной и центральной части полуострова, всеми силами препятствовали распространению его влияния на Западно-Балканский регион.

Советское руководство расценило Лондонскую сессию как «первое после войны дипломатическое наступление на внешнеполитические завоевания Советского Союза, достигнутые в ходе войны». В Нью-Йорке и Лондоне восприняли ее результаты как первый с их стороны «урок жестокости», преподанный Москве [25, с. 58]. Тем не менее на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (16—26 декабря 1945 г.) продолжились консультации о мирном договоре с Италией. По этому вопросу между Москвой и Римом произошел обмен памятными записками. В итальянском Меморандуме (27 декабря 1945 г.) выражалось беспокойство, что «все то, что казалось торжественно приобретенным (Италией. — А. С.) в Потсдаме, кажется принесенным в жертву в Москве». В ответной советской записке (24 января 1946 г.) утверждалось, что итальянское беспокойство по поводу решений Московского совещания не имеет оснований, а Италии при обсуждении мирного договора «будет представлена полная возможность, как и на Лондонской сессии СМВД, высказаться по вопросу о Триесте и Венеции-Джулии» [27, док. 60—61, с. 81—82].

В коммунистических кругах продолжался анализ позиции ИКП и П. Тольятти по вопросу принадлежности Триеста и границы в Истрии. Так, советник посольства СССР в Югославии Д. С. Чувахин обсуждал 29 ноября 1945 г. с вице-премьером Э. Карделем позицию итальянских коммунистов по Триесту [28, док. 117, с. 316]. Представитель КПЮ при ВКП(б) Б. Зи-херл в письме в ОВП ЦК ВКП(б) 19 января 1946 г. много места уделил отношению руководства ИКП к территориальным требованиям Югославии. Зи-херл сделал вывод, что они выступают за оставление Италии не только Триеста, но и всего Словенского Приморья и Истрии, предоставив им «широчайшую автономию» в пределах Италии. В его письме также упоминается редкая информация о позиции хорватской усташеской эмиграции в Италии, предлагавшей создать буферное «тампон-государство Юлийской Венеции (Триест-Словенское При-морье-Истрия) или автономию этих областей в рамках Италии» [21, док. 91, с. 273—275].

Проблема Юлийской Крайны, Триеста и морской границы в Адриатике на Совещании заместителей министров иностранных дел. Этот форум проходил осенью 1945 — весной 1946 г. в промежутке между I и II сессиями СМВД. В его рамках шла разработка и согласование проектов мирных договоров с сателлитами фашистской Германии, вырабатывались подходы к решению территориальных проблем, в том числе и вопроса югославо-итальянской границы. В НКВД (с марта 1946 г. — МИД) СССР 7 января 1946 г. были разработаны директивы по проектам мирных договоров с Италией и Румынией. 19 апреля Молотов направил докладную записку Сталину с рядом предложений для советской делегации в СМВД. Среди них были и дополнения к директивам по мирному договору с Италией, содержавшим отдельный пункт «Венеция-Джулия и Триест». В нем предписывалось «поддержать присоединение к Югославии полуострова Истрия и Триеста». В качестве «второй позиции — согласиться на объявление Триеста вольным городом (по примеру Данцига до 1939 г.)». В пункте «Другие вопросы» имелся подпункт о поддержке просьбы Югославии «о передаче ей Пелагоских островов (имеются в виду острова Палагружа. — А. С.)» [29, док. 99, с. 205—207].

Заведующий отделом Госдепартамента США Д. Данн распространил 29 января 1946 г. карту итало-югославской границы, основанную на улучшенном варианте линии Вильсона. Причем американское толкование понятия этнической границы включало прежде всего лингвистический признак, так как материалы австрийской (1910) и итальянской (1921) переписей, положенных в основу карты, не учитывали ни происхождения, ни родного языка, а отвечать на вопросы переписных листов нужно было на официальных языках [30, л. 40—41].

Языковые проблемы оживили общественно-политическую активность населения спорных районов. Особенно активизировалась деятельность коммунистических организаций и структур двух зон Юлийской Крайны, подчинявшихся КПЮ и ИКП. В феврале 1946 г. в Риеке прошел I съезд Антифашистского фронта женщин Юлийской Крайны, высказавшийся за присоединение к Югославии. В Пазине — II конференция Словенско-итальянского антифашистского союза. В докладе его руководителя Люботинни говорилось о массовом характере требований населения зоны «Б», в том числе и итальянского меньшинства, о присоединении Юлийской Крайны к ФНРЮ [31, л. 81, 85—87]. В апреле 1946 г. в Триесте состоялась конференция Компартии зоны «А» Венеции-Джулии. В докладе ее политического секретаря Б. Крайгера и в резолюции конференции выдвигались более сдержанные задачи — борьба за свободное волеизъявление о будущем всего края и особенно Триеста, братство между словенским и итальянским населением, разоблачалась националистическая деятельность так называемого «Комитета ди либерационе национале» [31, л. 263—264].

Интересно, что именно в это время — в марте 1946 г. — правительство БССР подготовило свой ответ на давнишнее (еще от 17 сентября 1945 г.) письмо министра иностранных дел Франции Ж. Бидо с просьбой изложить свои взгляды на мирный договор с Италией. Белорусский ответ 27 марта 1946 г. был представлен заведующим I Европейским отделом МИД С. П. Козыревым на рассмотрение заместителю министра иностранных дел СССР В. Г. Де-канозову и получил одобрение. В документе отмечалось, что итальянские войска, отступая из-под Сталинграда, с декабря 1942 по май 1943 г. вели на территории Белоруссии ожесточенную борьбу с партизанами и нанесли большой урон народному хозяйству республики. Поэтому было бы справедливо получить с Италии определенную сумму репараций. Точная сумма не определялась в надежде на выделение справедливой доли, но допускалось ее понижение, так как Италия первой порвала с Германией. По вопросу об установлении справедливой границы с Югославией подчеркивалось, что Белоруссия испытывает «живейшее сочувствие» борьбе югославского народа за свое национальное объединение, так как сама недавно осуществила объединение своего народа и выступает за передачу Югославии Юлийской Краины, а также Триеста, который нельзя отрывать от этого края [32, л. 2—10].

На ход обсуждения проблемы Юлийской Краины сильно повлиял кризис на Среднем Востоке, вызванный поддержкой Советским Союзом азербайджанских и курдских сепаратистов в Иране и его отказом вывести полностью свои войска из этой страны. Провоцирующие действия СССР вдоль условной линии от Афганистана до Италии, обозначаемой в стратегическом планировании США как Северный ярус, заставили Вашингтон приступить к разработке новой политики по отношению к СССР с целью заполнить геополитический вакуум вдоль упомянутой линии. Не случайно известная речь У. Черчилля в Фултоне была произнесена 5 марта, в разгар иранского кризиса, который стал для американских политиков уроком и поводом для силового разговора с Москвой не только на Среднем Востоке, но и в Юго-Восточной Европе [33, с. 80—82].

Тогда же, в марте 1946 г., в советской делегации на совещании заместителей министров обсуждался план реализации югославских требований путем увязывания итало-французских и итало-австрийских территориальных проблем с югославо-итальянскими, с целью сыграть на противоречиях между западными странами. Советские эксперты внесли 9 марта следующее предложение: «требования французов по поводу исправления франко-итальянской границы нам следовало бы поддержать, но лишь в том случае, если союзники согласятся с предложением югославо в отношении их границы с Италией». Если же союзники будут настаивать на принятии американской линии, то СССР следует поддержать предложение Австрии о передаче ей Южного Тироля исходя из следующего. Этот шаг значительно укрепит стратегическое положение Австрии, что отвечает советским интересам, так как «в случае осложнений наших отношений с западными союзниками, последние могут использовать

Италию против нас на австрийском направлении». Кроме того, передача Южного Тироля Австрии привела бы к реваншистским тенденциям со стороны Италии. Это заставит Вену искать поддержку у соседних стран и СССР, что «может создать некоторые условия для нашего влияния в Австрии». Что касается претензии Франции на демилитаризацию итальянского района франко-итальянской границы, которая лишила бы Италию естественного оборонительного рубежа от Швейцарии до Лигурийского моря, то такое положение привело бы «к постоянной угрозе Италии со стороны Франции, что может прочно привязать итальянцев к англо-французскому блоку, в чем мы, безусловно, не заинтересованы». Исходя из этого советские эксперты предлагали отклонить французскую идею демилитаризации итальянской зоны, «сославшись на то, что это было бы несправедливым актом по отношению к Италии и ущемило бы национальную гордость итальянского народа» [32, л. 12—13]. (Указанные резоны вскоре потеряли свою актуальность, так как 1 мая 1946 г. II сессия СМВД отклонила претензии Австрии на Южный Тироль, как не соответствующие решению I сессии о том, что границы Австрии останутся неизменными [32, л. 43]).

1 апреля 1946 г. советская делегация на Совещании заместителей министров приняла предложение эксперта А. А. Геращенко об активной реализации установки на включение Истрии и Триеста в состав Югославии [32, л. 58]. 8 апреля Геращенко в письме Молотову изложил три предложения для советской делегации в Комиссии экспертов при обсуждении итало-югославской границы, которые можно вносить «в порядке последовательности» (то есть территории, переходящие к Югославии, и описание границы — по убывающей) [34, л. 74—75]. 10 апреля заместитель министра иностранных дел СССР Ф. Т. Гусев получил указание из Москвы настаивать на передаче Югославии всей Истрии, создание в Триесте федеральной единицы и объявлении порта свободным. 11 апреля Геращенко имел частную беседу с руководителем американской группы в Комиссии экспертов Мозли, из которой выяснилось, что США, напротив, будут настаивать на сохранении Триеста в составе Италии по причине его якобы слабой экономической связи с ФНРЮ (название югославского государства с 29

ноября 1945 г.). Подлинной причиной были опасения, что переход крупных страховых и судоходных компаний Триеста к Югославии может привести к их национализации, что повлечет отлив капитала и сокращение деловой активности порта [32, л. 59—61]. При обсуждении 15 апреля 1946 г. американского проекта возникли разногласия о национальном составе населения Истрии. По итальянской переписи 1921 г., в крае проживало 178 тыс. итальянцев, а по югославской переписи, проведенной в октябре 1945 г., — только 84 тыс. Западные делегации старались опорочить объективность югославской переписи, советская делегация всячески ее защищала [32, л. 62—63].

И. Броз Тито, пригласив 22 апреля 1946 г. на встречу советского посла А. И. Лаврентьева, упомянул, что в Лондоне в Комиссии экспертов «идет очень большая дискуссия» об этнической границе между Италией и Югославией. Он высказал мысль о возможном отказе советской делегации от подписания документа, который не соответствовал бы прежним согласованным позициям. Лаврентьев информировал Тито, что советская делегация в СМВД поддержит предложение ФНРЮ о «демилитаризации итальянской стороны итало-югославской границы и не будет возражать против демилитаризации итальянской стороны франко-итальянской границы» [21, док. 93, с. 283].

Проблема демилитаризации границ вообще была активным переговорным фактором, часто использовавшимся в корыстных политических целях. Так, Югославия еще до решения по югославско-австрийской границе поставила 29 апреля вопрос о 30-километровой демилитаризованной зоне вдоль этой границы. Однако Вышинский, Джебб и Данн отклонили такую югославскую поспешность [35, л. 20]. Уже 1 мая 1946 г. Вышинский, с тем чтобы затруднить решение невыгодного для советской стороны вопроса о демилитаризации франко-итальянской границы, предложил рассматривать его в пакете с итало-югославской

границей, то есть решить вопрос в принципе, хотя линии этой границы еще не существовало [35, л. 72].

В связи с обсуждением сухопутной итало-югославской границы остро встал вопрос о ее морских участках и принадлежности ряда островов. Далматинские острова и община Зара (Задар) еще 12 сентября 1945 г. по предложению США были переданы I сессией СМВД в состав Югославии [34, л. 34]. Однако в отдалении от них, в середине Адриатического моря имелся остров Пелагоза (Палагружа) с группой мелких островков. 11 марта 1946 г. на рабочем заседании заместителей министров американцы предложили оставить Пелагозу под суверенитетом Италии. Советская делегация попыталась провести предложение об обсуждении проблемы Пелагозы отдельным вопросом, но западные страны отвергли его, заявив, что острова Пелагоза не входят в группу Далматинских островов и всегда принадлежали Италии, будучи расположенными ближе к ее побережью. На этом основании американцы 15 марта предложили включить в статью проекта мирного договора о передаче Югославии Далматинских островов и Зары также и пункт о закреплении Пелагозы за Италией, отметив, что Югославия только теперь начала оспаривать их принадлежность. По предложению советской делегации рассмотрение проблемы Пелагозы было перенесено на совещание заместителей министров. Из СМВД СССР 16 марта последовало указание поддерживать Югославию в вопросе о Пелагозе, в новом указании 19 марта — продолжать настаивать на передаче ей островов [32, л. 69—70].

2 апреля Совещание заместителей министров заслушало вопрос о передаче Пелагозы Югославии. Председатель редакционной комиссии проф. Гро подчеркнул, что географически острова располагаются ближе к Италии, и рассуждал, относить ли их к Далматинским островам. Британский заместитель министра Г. Джебб пытается представить вопрос как недоразумение, заявив, что Гро путает Пелагозу с Лагозой из Далматинских островов. Однако советский заместитель министра Ф. Т. Гусев указал на неосведомленность своего британского коллеги и дал слово для справки эксперту профессору В. Н. Дурденевскому [32, л. 71—72]. Он сообщил, что до Первой мировой войны острова Пелагоза принадлежали Австро-Венгрии и в административном отношении входили в Далмацию. После длительного спора из-за этих островов Югославия только в 1924 г. впервые признала итальянский суверенитет над ними, предусмотренный еще ст. 3 Рапальского соглашения (1920). Затем долго шел спор за право рыболовства, позже урегулированный Конвенцией в Бриуни, по которой Италия признала преимущественное право югославам на ловлю рыбы вокруг Пелагозы. Поэтому временное население на островах состоит в рыболовецкий сезон из югославских рыбаков, постоянные же жители — сторож маяка и контролер метеостанции. Дурденевский без полной уверенности замечает, что Пелагоза и Лагоста (Ластово) относятся к Далматинским островам [30, л. 374—375]. После выступления советского эксперта все согласились включить пункт о Пелагозе в проект мирного договора с Италией [30, л. 401]. Это обсуждение имело решающее значение в судьбе архипелага. На II сессии СМВД Вышинский 1 мая предложил принцип, принятый в отношении Далматинских островов и общины Зара, распространить и на острова Пелагоза [35, л. 65]. 2 мая 1946 г. СМВД решает передать их Югославии, но не возводить

здесь военных сооружений, а также не милитаризовать итальянский о. Пиноса, лежащий вблизи Пелагозы [32, л. 73].

Проблема Юлийской Крайны и Триеста в Межсоюзной комиссии экспертов по итало-югославской границе. Председатель этой комиссии, созданной на Совещании заместителей министров, французский дипломат Вольфром 18 февраля 1946 г. предложил трактовку задач и методов работы комиссии, из чего следовало, что наряду с этническими данными будут приниматься во внимание географические и экономические соображения. Это обусловило долгое обсуждение вопроса о районах обследования со смешанным населением [30, л. 134, 140—168]. В тех случаях, когда это было выгодно советским представителям, они прибегали к

использованию этнического принципа, который играл против югославов лишь в приморских городах. Так, зам. министра иностранных дел СССР Ф. Т. Гусев предложил 22 февраля передать Югославии район Тарвизио, так как в нем «совсем нет итальянцев, а то обстоятельство, что в нем большинство немцев, не имеет значения, так как речь идет не о немцах, а о итальянцах и словенцах» [30, л. 211].

В марте 1946 г. Комиссия экспертов была направлена в Юлийскую Крайну для обследования этнического положения и выработки предложений о границе. На заседаниях Комиссии 10—13 марта обсуждалось положение в самом Триесте. Итальянцы доказывали, что словенское население города не подвергалось репрессиям, поэтому его эмиграция из Триеста была незначительной. Югославы же утверждали, что большое количество словенцев были вынуждены покинуть Триест, вследствие чего изменился этнический состав его населения. В результате опроса Комиссия выяснила, что доля словенцев и хорватов составляет в Триесте 20—25 %, поэтому этническую линию придется проводить таким образом, чтобы сам Триест оставить к западу от линии границы (то есть в Италии), а все ближайшие села — к востоку (то есть в Югославии). Когда Комиссия 15 марта работала на месте, выехав в Триест и другие города, ее всюду встречали по дорогам огромные толпы с плакатами, портретами Тито и югославскими флагами. Однако западные дипломаты посчитали, что эти демонстрации «являются искусственными» и окончательное решение о линии границы «будет принято независимо от желаний народа» [32, л. 55—56].

В «Краткой справке о работе советской делегации в Межсоюзной комиссии экспертов по изучению итало-югославской границы» отмечалось, что после подготовительной работы в Лондоне и Белграде работа на месте шла в Юлийской Крайне на протяжении 27 дней (9 марта — 4 апреля 1946 г.). Она состояла в посещении отдельных участков пограничной полосы, в интервью и беседах с представителями населения и местных организаций. Триест обследовали 8 дней, Истрию — 10, северные участки — 8 дней [34, л. 25]. Были заслушаны наиболее влиятельные проитальянские («Комитеты национального освобождения», палаты Труда, муниципальные советы городов) и проюгославские (Антифашистский итало-славянский союз, Народно-освободительные комитеты, объединенные профсоюзы «Синдикаты Уничи») местные организации. Причем получаемые от них сведения были противоположны. Протоколы интервью официальных представителей общин, а иногда и непосредственно населения на улицах использовались для корректировки данных по статистике национальностей из прежних переписей. Советские эксперты считали итоги переписи населения в Истрии, проведенной в октябре 1945 г. югославским Адриатическим институтом, надежными. Западные же эксперты не верили этой переписи, считая, что она проводилась в условиях политического давления. Как следует из справки, в Триесте главной трудностью оказалось выяснение национального состава населения. Старые переписи преуменьшали число славянского населения, так как учитывали не национальность, а «разговорный язык» — для многих славян таковым был итальянский. Поэтому, по данным переписей, доля славян в Триесте составляла от 8 до 27 %, тогда как в действительности их, по-видимому, было не менее 40 % в самом городе, пригороды же и окрестности были полностью славянскими. Однако доказать это точными цифровыми данными было весьма трудно. Экономически Триест был связан с Югославией и ближайшими дунайскими странами, а слабее всего — с Италией [34, л. 26].

Касательно других регионов в справке отмечалось, что население Горицы и Монфалько-не — смешанное (как в Триесте и Пола), но экономически тяготеет к югославской территории. Район Бенешской (Венецианской) Словении (с 1868 г. — под итальянской властью) — горная страна, населенная словенцами, которые «сильно итальянизированы и запуганы итальянскими властями». Представители общин заявляли о «чисто итальянском населении», однако население в качестве родного языка использует диалект словенского. В Канальской долине (район Тарвизио, примыкающий к Австрии) итальянцы — недавние (с 1918 г.) при

шельцы, но здесь ведется энергичная итальянизация. Коренное же население — словенцы и немцы. Несмотря на сильную эмиграцию, славяне как наиболее старый этнический слой по-прежнему составляют значительную группу [34, л. 27—28].

Принятые еще на Лондонской сессии СМВД подходы к решению территориальных споров отводили исторической аргументации подчиненное место по сравнению с этнической. Однако, несмотря на это, в советской группе экспертов шла разработка и исторических аргументов принадлежности югославянам Юлийской Крайны и Триеста. Так, в специальной справке эксперта Хвостова сообщалось, что по Венскому мирному договору (14 октября 1809 г.) Наполеон отторг от Австрийской империи Горицию, Северную Истрию с Триестом, Каринтию, Крайну, австрийскую Хорватию до р. Саввы, Фиуме. В 1810 г. все эти земли были объединены в Иллирийские провинции, в состав которых были также включены Венецианская (Южная) Истрия, Далмация, Рагуза (Дубровник). Декретом Наполеона (15 апреля 1811 г.) в Иллирийских провинциях в качестве административного и школьного языка был принят славянский, а именно — наречие, употребительное в районе Дубровника. Когда встал вопрос о границе с Итальянским королевством, тоже находившимся под властью Наполеона, то она была проведена западнее р. Изонцо (Соча) и восточнее р. Тальяменто (Тилмент) — приблизительно по водоразделу между ними. Таким образом, Триес, Горица и Градишка были признаны Наполеоном славянскими [34, л. 76].

Между тем Межсоюзная комиссия экспертов по изучению итало-югославской границы не смогла прийти к соглашению. 23 апреля 1946 г. вместо одной согласованной линии она представила четыре разграничительные линии границы. Советская линия была проведена к западу от нижнего течения р. Соча (Изонца), почти совпадала со старой итало-австрийской границей 1866 г. и максимально учитывала все, даже чрезмерные, претензии Белграда. Она оставляла на югославской стороне значительные территории на севере Юлийской Крайны — восточную часть Канальской долины в Юлийских Альпах с городами Понтеба и Тарвизио, часть Бенешской (Венецианской) Словении с городом Чедад, а также весь район Горицы с городами Крмин и Градишка, весь район Словенского Приморья и весь Триестинский залив и городами Тржич и Триест. Французская, английская и американская линии одним пучком проходили гораздо восточнее и оставляли на итальянской стороне все упомянутые в советском варианте районы и города. Юго-восточнее Триеста эти три линии разделялись, по-разному углубляясь в территорию полуострова Истрия, который даже в соответствии с линией Morgana считался югославским. Французская (наиболее близкая к советской) передавала Италии обширный район вокруг Триестинского залива с Триестом и северо-западное побережье Истрии до города Новиграда. Английская линия оставляла за Италией все западное побережье Истрии с городами Новиград, Воднян, Пула и даже выходила у южной оконечности полуострова на его восточное побережье. Американская линия шла еще восточнее. Она отдавала Италии административный центр Пазин и юго-восточное побережье Истрии, оставляя у Югославии лишь северо-восточное побережье Истрии с городом Риекой [36, стр. 50—51].

Югославо-итальянская граница в работе первой части II (Парижской) сессии СМВД (25 апреля — 16 мая 1946 г.). Свою твердую позицию по вопросу Юлийской Крайны и Триеста СССР отстаивал в противовес западным странам и на II (Парижской) сессии СМВД, работавшей с перерывом (апрель — май, июнь — июль 1946 г.). Накануне сессии были разработаны «Рекомендации, предлагаемые советской делегацией по вопросу итало-югославской границы». Ее очертания в целом совпадали с линией советских экспертов. В рекомендации отмечалось, что такая граница подкреплена «как этническими, так и экономическими соображениями». Этот важнейший документ, на котором базировалась вся стратегия поведения советской делегации, содержал и описание отдельных регионов Венеции-Джулии с наиболее важной аргументацией. 1) Истрия — историческая славянская этническая территория. Славяне живут здесь с VII—IX вв. Венецианцы появились в XII в., господствуя только в

отдельных городах. Итальянцы по переписи 1910 г. составляют 38,8 %, по более достоверным данным 1945 г. — 27,5 %. Они живут лишь в западной и южной части Истрии, нигде не занимая сплошной территории. По югославской переписи 1945 г. — итальянцы составляли большинство лишь в 9 коммунах из 43. Экономически Истрия неделима. 2) Триест — в Рекомендациях суммировались уже приводившиеся выше сведения [34, л. 82—83]. 3) В Словенском Приморье предлагаемая граница должна несколько отступить к западу от этнической линии. Это аргументировалось тем, что район Монфальконе (с итальянским большинством населения) экономически связан с Триестом. Градишка и Кормонс — экономически связаны с Горицей (город со смешанным населением, но расположен на славянской этнической территории) и коммунами к востоку от Горицы. 4) Бенешская (Венецианская) Словения — регион со славянским населением (34 тыс. чел.) в высокогорье в бассейне рек Нати-соне, Торре, Резья.

Обеспечение коммуникаций с ними невозможно без включения в состав Югославии узкой полосы Фриульской равнины, населенной фриульцами (фурланами) и итальянцами [34, л. 84]. 5) В районе Тарвизио (Канальская долина) итальянцы на данный момент составляют большинство, но являются элементом пришлым (их приток начался после 1920 г. и особенно усилился после 1939 г.). Коренное население — словенцы. По переписи 1910 г., наиболее многочисленным населением были австрийцы, но их значительная часть в 1940—1943 гг. выехала, оппировав германское гражданство, славяне же остались. В Рекомендациях подчеркивалось, что в результате такой линии границы численность итальянцев (причем все они проживают только в городах), которые останутся в Югославии, составит 283,2 тыс. чел. Численность же словенцев и хорватов, возвращаемых в Югославию, — 540,6 тыс. чел. [34, л. 85].

СССР, испытывая на себе по вопросу Юлийской Краины сильное давление западных стран, в свою очередь, оказывал давление на Италию. В самом начале II сессии — 26 апреля 1946 г. Молотов настаивал на внесении в мирный договор с Италией фразы «и несет свою долю ответственности за эту войну» [37, л. 21—22]. Он также сообщил претензию СССР на репарации с нее в размере 100 млн долл. США, что составляет лишь незначительную часть причиненного ущерба. Молотов сформулировал положение, что «вторжение итальянских войск на территорию других государств не должно остаться безнаказанным», и привел ряд впечатляющих примеров. Так, 8-я итальянская армия в составе 250 тыс. чел. дошла в августе 1942 г. до Дона, продвинувшись в глубь советской территории до 1500 км. Минск, который подвергся вторжению не только немецких, но и итальянских войск, является одним из самых разрушенных городов Советского Союза. Харьков, где также были итальянские войска, стал одним из самых разрушенных городов Украины [37, л. 24—25].

3 мая на сессии было дано слово итальянскому представителю Де Гаспери, который акцентировал внимание на тех местах доклада Комиссии экспертов, которые отвечали интересам Италии. Он говорил об итальянском характере Тарвизио, Горицы, Монфальконе, Ронче, всей долины р. Изонцо, Триеста. Итальянский представитель вновь подверг сомнению результаты переписи 1945 г. Адриатического института Сушака и констатировал, что Комиссия экспертов высказалась за ту линию, которую он рекомендовал I сессии СМВД в Лондоне и которая была в 1919 г. названа линией Вильсона [37, л. 147—149]. Говоря о четырех линиях границы в Юлийской Краине, Де Гаспери отметил, что советская линия «совершенно не принимает во внимание этническое равновесие» и не учитывает критерия, установленного в Лондоне — как можно меньше меньшинств под чужим управлением. Так, советская линия не оставляет никаких славянских меньшинств на итальянской территории, но передает Югославии около 600 тыс. итальянцев по современной оценке или 480 тыс. по переписи 1910 г. Даже французская линия, отнимающая у Италии юго-запад Истрии с городами Рови-ньо (Ровинь) и Поло (Пола), оставляет 89 тыс. словенцев в Италии, а 180 тыс. итальянцев — в Югославии [37, л. 150].

Молотов вынужден был 4 мая давать ответ Де Гаспери, заявив, что Юлийская Краина до 1918 г. никогда не принадлежала Италии и для нее этот край — «случайный результат ликвидации империи Габсбургов». С другой стороны, демократическая Италия не должна стремиться к тому, к чему стремилась фашистская Италия. Ведь даже австрийская перепись 1910 г., преуменьшавшая число славянского населения, насчитывала в крае 463 тыс. славян и 332 тыс. итальянцев. Таким образом, заключил Молотов, «Юлийская Краина с ее историческим прошлым является югославской территорией» [37, л. 152—153]. Молотов резко критиковал английскую и американскую линии, которые искусственно отрезали от Югославии узкую полосу (от 1 до 8 км) всего западного побережья полуострова Истрия и закрывали ФНРЮ в этом районе доступ к морю. По мнению Молотова, «несправедливость такого ущемления Югославии очевидна и поистине не имеет прецедентов», так как подобный подход «похож на наказание Югославии и ее словенско-хорватского населения». Касательно Триеста были повторены оценки о том, что он является центром славянского края, «главным и даже единственным крупным портом» для Югославии, передача которого Италии повредит ему самому, а оставление в составе Югославии послужит интересам Чехословакии, Австрии, Венгрии, Румынии, Польши. Приведенные Де Гаспери цифры об итальянцах, остающихся в ФНРЮ, по мнению Молотова, «не подтверждаются и не могут служить аргументом». Тем самым советская делегация вновь последовательно и твердо выступила за удовлетворение национальных претензий Югославии, которые дают возможность «покончить с исторической несправедливостью в отношении южных славян» [37, л. 154—156].

В ходе дальнейшей дискуссии Бидо заявил, что, выбирая между двумя линиями — линией Рапалло, которая не оставила ни одного итальянца в Югославии, но много словенцев и хорватов в Италии, и линией, которая дала бы обратный результат (то есть советской линией. — *А. С.*), нужно «выбрать такую линию, которая давала бы наименее плохой результат», чему соответствовала

французская линия. Бирнс и Бевин с использованием статистических данных отстаивали свои линии [37, л. 159—164]. Молотов же буквально обрушился на результаты Комиссии экспертов, считая, что они «перепутали проблему с деталями этой проблемы» и поэтому их выводы «не могут служить основой для нашего решения, так как они приводят к абсурдным положениям». Молотов настаивал, что основной проблемой было исправление исторической несправедливости в отношении южных славян в районе Юлийской Крайны и экспертам не поручалось «расщеплять» край на две части — восточную и западную, поэтому «они занялись не своим делом». Нельзя голову — Триест отрезать от тела — Юлийской Крайны [37, л. 164—166]. Было очевидно — на этом заседании все соглашались, что этнический подход в Юлийской Крайне должен быть дополнен экономическими и географическими факторами, но делали из этого совершенно разные выводы [37, л. 157, 163, 167].

Когда дискуссия локализовалась на проблеме Триеста, Молотов предложил на вечернем заседании 4 мая решать проблему «как главный вопрос из цикла вопросов», так как все остальные будут согласованы в короткий срок. Он в очередной раз отстаивал югославскую принадлежность Триеста и даже сравнивал Триест (с его итальянским населением) и Юлийскую Крайну (с ее хорватским населением) со Львовом с его польским населением и Западной Украиной, центром которой Львов является. Бирнс, не слыша никаких доводов, заявил, что Триест получил свою первую письменную хартию в 1472 г. на итальянском языке, поэтому нельзя итальянский город с итальянским населением отдавать Югославии. Молотов в ответ указал на изолированный характер итальянского населения города и отвел как некорректный пример XV в., когда Италии еще не было, и имелась в виду Венецианская республика. Также обратившись к исторической аргументации (была явно использована справка Хвостова), он привел пример XIX в., когда Наполеон, считая Триест, Горицу и Градишку славянскими землями, включил их в Иллирийские провинции, где был принят славянский язык. Понимая, что он в одиночестве, Молотов выдвинул идею своеобразного размена — в

вопросе Триеста пойти навстречу Югославии, а в колониальном и репарационном вопросах — навстречу Италии. В ответ на предложение Бирнса о плебисците только в западной части Юлийской Крайны, которое вызвало сомнение даже у Бевина и Бидо, Молотов предложил плебисцит в Триесте и всей Юлийской Крайне [37, л. 170—180].

5 мая 1946 г. в ходе беседы с Молотовым на обеде в посольстве СССР Бирнс выдвинул новую идею по итало-югославской границе. Он предложил установить ее на один год (с окончательным решением на Генеральной Ассамблее ООН) между британской и французской линиями, «причем возможно ближе к линии, предложенной французами», дав понять, что готов принять и линию Morgana (то есть существующую демаркационную линию). Это было некоторой уступкой в пользу Югославии. Молотов, развивая высказанные накануне мысли, отметил, что для решения проблемы можно избрать один из двух путей. Или провести референдум во всей Юлийской Крайне, или «сейчас решить» вопрос о Триесте в пользу Югославии, пойдя Италии навстречу в вопросе о колониях («Италии можно было бы передать под опеку что-либо из ее бывших колоний») и репарациях (получив Триест, Югославия могла бы «сократить свои репарационные претензии к Италии или вовсе отказаться от них»). Молотов считал, что передача Италии Триеста «будет занозой в теле Югославии», а временное решение по границе «будет представлять собой рану». Он упрекнул Бирнса в том, что США «не содействуют своими предложениями» решению проблем мирного договора с Италией [38, док. 112, с. 476—477].

Вместе с тем, понимая невозможность противостоять согласованной позиции западных стран, СССР 6 мая был вынужден внести предложение об объявлении Триеста вольным городом по примеру Данцига. Запад соглашался, но лишь «на крайний случай», при этом хотел иметь с Триестом таможенный союз, что советская сторона считала нецелесообразным. Советская делегация отдавала себе отчет, что в случае принятия ее предложения по Триесту о югославско-итальянской границе придется договариваться особо [32, л. 67—68]. В тот же день газета «Правда» опубликовала карту Юлийской Крайны с советской, французской, английской и американской линиями границ. Советское предложение по Триесту вытекало также из необходимости учитывать опасения Запада о чрезмерном усилении Югославии за счет ее территориальных претензий к соседям. Так, венгерский представитель П. Ауэр сообщал 8 мая в свой МИД (вся шифропереписка была известна Москве) о циркулирующем в связи с триестинским вопросом в кулуарах сессии мнении о том, что «Тито подготавливает славянскую Среднюю Европу, портом которой был бы Триест» [39, л. 66].

В стремлении отстоять права ФНРЮ на ее словенские и хорватские земли в Юлийской Крайне делегацией СССР использовались любые возможности. Нами выявлен интересный документ — докладная записка советского эксперта академика Л. Н. Иванова (историк международных отношений, видный специалист в области военно-морского соперничества великих держав) Молотову от 8 мая 1946 г. Иванов сообщал о хороших личных отношениях и двух завтраках с английским членом Комитета

экспертов, крупным английским историком, директором Института внешних сношений Чатэм Хауз в Лондоне, заведующим научно-исследовательским отделом Форин офис Арнольдом Тойнби. В записке сообщалось, что Тойн-би во время Первой мировой войны выпустил книгу, где отстаивал присоединение Триеста и всей прилегающей к нему области к Сербии, обосновывая это историческими, экономическими и географическими аргументами. По существу вопроса Иванов сообщал следующее. Тойнби, сожалея о «тупике» в вопросе о Триесте, изложил концепцию возможного компромисса — принять за основу для будущей итало-югославской границы линию, предложенную французской делегацией при одновременном превращении самого Триеста в «вольный город», управляемый международной администрацией и не находящийся под суверенитетом ни Италии, ни Югославии. Тойнби осознавал, что «такое решение не удовлетворит ни Италию, ни Югославию. Но лучше принять несовершенное решение, чем никакого решения»

вообще». Иванов сделал вывод: «Я не знаю, высказывал ли профессор Тойнби только свою личную точку зрения, или это было некоторым "прощупыванием почвы" для компромисса, предпринятым с английской стороны, во всяком случае, я считаю своим долгом срочно довести до Вашего сведения об указанном разговоре». Записка была разослана Молотову, Вышинскому, Деканозову, Гусеву [34, л. 114—115].

По записке Иванова была проведена определенная работа. В I Европейском отделе МИД была подготовлена справка «К вопросу о Триесте», где сообщалось, что А. Тойнби совместно с рядом видных английских ученых и публицистов в 1915 г. выпустил книгу «Национальность и война». В пятой главе этой книги под названием «Триест и Италия» автор доказывал неправомерность притязаний Италии на Триест. Далее в справке давалось краткое изложение этой главы [34, л. 127—129]. По окончании первой части Парижской сессии, которая была призвана выработать совместную платформу четырех стран для предстоящей мирной конференции, стало ясно, что добиться согласованного решения по Юлийской Крайне не удастся.

Триестинская проблема оказывала влияние и на межгосударственные отношения внутри формирующегося советского блока. Так, на встрече Тито со Сталиным в Москве 27 мая 1946 г. Триест был первым вопросом, который поднял сам Сталин. Тито благодарил Молотова за поддержку в СМВД и настаивал на продолжении усилий по передаче Триеста ФНРЮ. Однако Сталин в ответ лишь ограничился предостережением о трудностях возможного включения Албании в состав Югославии до решения вопроса о Триесте [40, с. 22].

Проблема международного режима свободного порта Триест. Комитет экспертов по выработке проекта Конвенции о режиме свободного порта Триест был учрежден еще в сентябре 1945 г. по решению Лондонской сессии СМВД, на которой была выдвинута и начала активно обсуждаться данная идея. На II сессии СМВД она приобрела уже самостоятельный характер. Советские разработки международного режима Триестинского порта были основаны на представленных 23 января 1946 г. югославской делегацией материалах, учитывавших опыт Танжера, Дальнего, Дунайской комиссии. Группа советских экспертов, в которую входили крупные специалисты по морскому праву, к марту 1946 г. помогла югославам разработать текст проекта протокола [34, л. 38—41]. Для этого была проделана огромная подготовительная и аналитическая работа. В объяснительной записке видного специалиста в области международного права профессора В. Н. Дурденевского подчеркивалось, что «свободный порт с международным управлением является новым явлением в международном праве». Марокканский Танжер, в котором с 1923 г. имелось такое управление, не был свободным портом. Положения Севрского договора (1920) о свободных зонах в турецких портах Стамбула и Гайдар-паша не получили осуществления. Первый реальный опыт сочетания международного управления и свободного таможенного района в одном порту представил собой в 1945 г. маньчжурский Дальний со смешанной советско-китайской администрацией. В Триесте подобная администрация будет носить более сложный характер ввиду большего количества заинтересованных стран. Преимущество же должна иметь страна, под суверенитетом которой порт будет находиться. Этот принцип провела в 1938 г. Румыния в отношении Европейской Дунайской комиссии. В записке подчеркивалось, что все содержание проекта протокола исходило из предположения, что Триест будет югославским [34, л. 37]. Был составлен и ряд других справок и информации — о режиме портов международного значения, установленном в 1921—1923 гг., о вольном городе

Данциге, о Статуте Мемеля (Клайпеды) [34, л. 137, 143, 176—180, 184—185].

В отчете советского представителя академика Л. Н. Иванова о работе Комитета экспертов по режиму свободного порта Триеста отмечалось, что «по конфиденциальной договоренности с нами» югославская делегация представила 4 апреля 1946 г. свой проект. В нем были выдвинуты положения, «явно несовместимые с положениями английского проекта», что заставило экспертов заняться

сравнительным анализом двух документов [34, л. 72—73]. Горячая тема вышла за рамки комитета. 4 мая на пленарном заседании II сессии Молотов втянулся в

затяжную пикировку с Бёвиным о различии в подходах к проблеме Триеста-города и Триеста-порта [37, л. 170—180].

Уже на этапе подготовки к Парижской мирной конференции Молотов представил 17 июля Сталину на утверждение Положение о свободном порте Триеста [34, л. 6]. Однако работа над этим документом продолжалась и дальше. Так, Деканозов в письме Молотову от 19 июля писал, что в первоначальном советском проекте речь шла о порте в границах до 1939 г., но в окончательном тексте эта позиция была исключена. СССР был не заинтересован в расширении размеров порта, поэтому было сочтено «правильным ограничить эту территорию границами 1939 г.». Такой же точки зрения придерживались и югославы. Англичане же, наоборот, стремились «к весьма значительному расширению» территории порта, имея в виду развитие здесь промышленности с беспрепятственным допуском иностранного капитала [34, л. 290]. Требовалась все более широкая доказательная база. Поэтому 29 июля 1946 г. была завершена разработка справки «О свободных зонах, предоставленных отдельным странам». В ней обобщался опыт установления свободных зон в различных портовых городах: польской — в Вольном городе Данциге (1920), югославской — в греческих Салониках (1923) и итальянском Фиуме (1924), чехословацкой — в германском Гамбурге и Штеттине (1919) [34, л. 186].

Югославско-итальянская граница в работе второй части II (Парижской) сессии СМВД (15 июня — 12 июля 1946 г.). Проблема Триеста выглядела столь сложной и неразрешимой, что итальянская делегация после возобновления работы сессии пошла на необычный политико-дипломатический трюк. По поручению министра иностранных дел Италии А. Де Гаспери 17 июня Молотов посетил итальянский посол в Польше коммунист Э. Реале. Причем он имел вербальное послание не только от своего министра, воспринимавшегося в Москве махровым реакционером, но и от главы ИКП П. Тольятти. Посол передал слова Де Гаспери о том, что если Италии пойдут навстречу в вопросе Триеста, то она «будет готова дать письменную гарантию» Москве никогда не воевать против СССР и не вступать во враждебные ему блоки; порт Триеста «в руках Италии будет столь же надежен в отношении к СССР, как и в руках Югославии»; верфи Триеста будут строить суда для Советского Союза. Де Гаспери даже спекулировал тем, что, избавившись от англо-американского засилья, Италия будет вести по отношению к Москве «политику истинной дружбы». Не менее интересным было и переданное Реале мнение Тольятти. Он считал, что отчасти из-за недостаточно дружественного отношения Кремля к Италии ИКП получила на парламентских выборах лишь 4 млн голосов вместо ожидаемых 6 млн. Поэтому любой жест со стороны СССР в пользу Италии мог бы очень усилить позиции ИКП. После озвученной просьбы Тольятти «интернационализировать Триест» Молотов прекратил беседу с Реале. Мифическое обещание Рима отказаться от участия в антисоветских блоках дошло до западных союзников и вызвало их беспокойство. Де Гаспери пытался даже этот факт использовать для убеждения Москвы в дружественных намерениях Рима, но лишь с одной целью — добиться решения вопроса о Триесте в свою пользу [15, с. 126—127].

Заседания второй части сессии протекали в особенно сложных дискуссиях. Важнейшую роль в согласовании позиций приобрели личные встречи В. М. Молотова и Д. Бирнса. На обеде у госсекретаря США в отеле «Мерис» 21 июня хозяин приема Бирнс констатировал, что самый важный вопрос в повестке дня — это вопрос о Триесте. Осознавая необходимость компромиссного решения, он предложил вынести вопрос о Триесте на мирную конференцию в составе 21 государства антигитлеровской коалиции. (На таком форуме западные страны, располагая большинством голосов и при отсутствии согласованных рекомендаций СМВД, могли бы провести решения в своих интересах). Но еще больше, чем свое, Бирнс рекомендовал принять предложение Ж. Бидо, сделанное на официальном заседании в тот же день, — передать Югославии большую часть Юлийской Краины, но без Триеста, предусмотрев для него международный контроль ООН на 10—15 лет с последующим плебисцитом. Бирнс хотел, чтобы Моло-

тов «совершенно определенно знал, что США не намерены согласиться на передачу Югославии Триеста, где 75 % населения составляют итальянцы». При этом он напомнил, что в Потсдаме США пошли «на весьма значительные уступки» Москве, согласившись передать Польше Силезию. Тем не менее Молотов отклонил все предложения Бирнса как неприемлемые. Временный международный режим в Триесте он оценил как «новый гнойник», а настойчивые притязания Италии на этот город как «стремление

сохранить за собой плацдарм на Балканах». Встреча закончилась на невеселой ноте: Бирнс заявил, что «исчерпал всю свою изобретательность, и теперь очередь за Молотовым» [29, док. 123, с. 268—269].

На новой встрече Бирнса с Молотовым в отеле «Мерис» 24 июня советский министр, вновь отклонив план Бидо, выдвинул свои новые предложения. План Молотова предусматривал объявление Триеста автономной областью в границах, наиболее полно отвечающих этническому принципу, под верховным суверенитетом Югославии с назначаемым ею же губернатором. Для убедительности было указано и на прецедент, созданный в 1923 г. без участия СССР, — переданную Литве Мемельскую область, где немцы составляли 75 % населения, но губернатор назначался из Каунаса. Бирнс, конечно, не мог согласиться с этим планом, формально обещав подумать [29, док. 125, с. 271—274].

Очередная встреча проходила 25 июня в кабинете Молотова в Люксембургском дворце. Бирнс отклонил план Молотова, фактически передающий Югославии суверенитет над Триестом. Бирнс вновь указал на неизбежную альтернативу: или план Бидо, или передача вопроса на мирную конференцию. Он указал, что союзники уже готовы передать Югославии 3,2 тыс. кв. миль территории в Венеции-Джулии вместе с итальянским имуществом (угольные шахты, ртутные рудники), оцениваемым в 191 млн долл. США, и осталось согласовать только линию границы. Реакция Молотова содержала указание на важный элемент политики СССР, для которого комплексное мирное урегулирование со всеми бывшими сателлитами Германии было важнее судьбы Триеста. Молотов дважды переспросил у Бирнса: будет ли означать решение триестинского вопроса решение и всех остальных спорных вопросов по всем мирным договорам; правильно ли он понял, что если «будет достигнута договоренность о югославско-итальянской границе, то одновременно с подписанием мирного договора с Италией будут подписаны мирные договоры со всеми остальными четырьмя странами». На что получил утвердительный ответ. Однако и после этого Молотов не сдался и предложил «крайнюю меру» — двойной суверенитет (кондоминиум) Югославии и Италии над Триестом с назначением этими странами двух губернаторов, что «позволит разрешить всю проблему о Триесте». При этом он настойчиво ссылался на пример Андорры, находящейся под двойным франко-испанским суверенитетом. Потерявший терпение Бирнс внятно озвучил отказ от «крайней меры» Молотова: «США не могут принять какое-либо предложение, по которому суверенитет над спорной территорией будет передан Югославии» [29, док. 126, с. 276—279]. Для того чтобы не сорвать обсуждение проблемы, советской делегации нужно было отступить.

29 июня Ж. Бидо внес на обсуждение вариант компромиссного решения. В качестве итало-югославской границы в Венеции-Джулии предлагалось принять линию французских экспертов, а для Триеста — установить международный режим сроком на 10 лет под наблюдением четырех держав в Совете Безопасности ООН [15, с. 128].

Характер обсуждения триестинской проблемы в конце июня свидетельствовал о том, что Запад ожидал от советской делегации отклонения плана Бидо. Это позволило бы прекратить переговоры и созвать мирную конференцию, где у СССР не могло быть большинства. Однако советская дипломатия заявила, что принимает французский план в качестве базы для дискуссии и оставляет за собой право вносить предложения о статусе и границах международной территории Триеста [4, с. 183].

На заседании 1 июля произошла подвижка советской позиции. Молотов внес на рассмотрение свой текст из 6 пунктов, касающийся статуса Триеста, с рядом поправок. Пункт 1,

призванный не оставлять Триест в руках Италии, гласил: «Триест с непосредственно прилегающей территорией объявляется автономной областью, управляемой в соответствии со статусом, принятым четырьмя державами. Целостность территории обеспечивается Советом Безопасности Объединенных Наций». После живейшего обсуждения фразы «прилегающая территория» Молотов показал карту с новой границей, компромиссной между советской и французской линиями. Эта граница максимально соответствовала этническому принципу, оставляя на стороне Югославии 50 тыс. итальянцев, а на стороне Италии — 36 тыс. югославов. Причем цифры выводились уже с учетом того, что Триест не включается ни в югославскую, ни в итальянскую территорию [41, л. 228—231]. Несмотря на явную советскую уступку, Бирнс резко возразил, не соглашаясь на передачу Югославии хоть какой-либо территории к западу от французской линии. Особенно он критиковал в предложении Молотова то, что к ФНРЮ переходит Горица (это действительно перерезало итальянские пути сообщения), а Триест становился островом среди югославской территории (советское предложение перерезало даже трамвайные линии, идущие на восток и север от города). Бирнс сформулировал принципиальный тезис: «Если кто-нибудь серьезно желает предложить создать здесь международное свободное государство, нужно было бы включить в его состав территорию побольше, а не поменьше» [41, л. 232]. В результате началась острая борьба советской делегации против попыток западных держав максимально расширить намечаемую международную зону Триеста, причем именно за счет районов, которые, по настоянию СССР, должны были отойти к Югославии.

В ходе сложной дискуссии о размере интернациональной зоны Триеста Бидо предложил все земли к востоку от французской линии передать Югославии, а территорию зоны Триеста увеличить по линии Дуино (Девин) — Читтанове (Новеград). Бевин и Бирнс принялись обосновывать расширение этой зоны. Молотов предложил границу Триестинской области с Югославией на юге провести по линии Моргана, но Бирнс, с вдруг проснувшейся принципиальностью, отвел эту линию как военную, а не этническую. Бевин добавил, что если принять линию Моргана, то нет никакого оправдания для создания международной зоны Триеста вообще, так как эта область должна отойти к Италии. После такого отпора Молотов согласился на последнее предложение Бидо без поправок [41, л. 237—239]. Казалось бы, тем самым была согласована территория зоны Триеста.

Однако уже на следующий день — 2 июля, на новой встрече Молотова с Бирнсом в Люксембургском дворце Бирнс резко поставил вопрос о районе к западу от французской линии, утверждая, что «вчера Бидо сделал несколько иное предложение, предусматривающее передачу Италии одной части территории, расположенной к западу от французской линии, и интернационализацию другой части территории». Поэтому Бирнс предлагал либо немедленно, либо лучше на мирной конференции решить, будет ли район к западу от французской линии полностью итальянским или часть его будет передана в зону Триеста. Молотов явно почувствовал себя обманутым. Он заявил, что понял из прежних слов Бирнса следующее: «если будет принято решение об интернационализации области Триеста, — все остальные вопросы удастся решить в 24 часа», поэтому советская делегация и пошла на уступки. Бирнс в ответ притворно сожалел, что его неправильно поняли. Он заметил, что принятие Молотовым французской линии с одновременным выдвиганием идеи двойного суверенитета над Триестом его «весьма сильно разочаровало» [29, док. 128, с. 281—284]. Так, близкий к решению вопрос о размерах и границах зоны Триеста оказался сорванным.

3 июля 1946 г. развернулась дискуссия о названии этой зоны. У каждого из министров был свой вариант с возможными уточнениями: «автономная область» (Молотов), «свободное государство» (Бирнс), «свободная область» (Молотов), «международная территория» (Бирнс). Всех вновь примирил Бидо, предложивший избегать слова «государство» и наименований «автономное» или «независимое». Бидо внес название «Свободная территория Триест» (СТТ), с

которым все согласились [42, л. 3]. Принципиальным был вопрос о согласовании Статута СТТ. Он открылся спором о том, какой международный орган должен его утвердить. Молотов настаивал на Совете Безопасности ООН (в его составе было 11 членов, а у СССР имелось право вето), приводя пример с Данцигом, статут которого утверждал Совет Лиги Наций, а не ее Ассамблея. Однако западные участники настояли на решении об утверждении Статута СТТ на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где заседал 51 член и действовало правило большинства [42, л. 4—7]. 9 июля был создан Комитет для изучения вопросов, касающихся СТТ (Комитет по Триесту), в котором СССР был представлен Деканозовым [43, л. 10]. В последний день работы сессии — 12 июля, СМВД принимает французскую линию в качестве основы югославо-итальянской границы [36, стр. 51—52].

16 июля 1946 г., незадолго до открытия Парижской мирной конференции, Молотов направил Сталину письмо, в котором сообщал, что СМВД, приняв решение об образовании СТТ, поручил Комиссии из представителей четырех держав подготовить его Статут. МИД СССР подготовил такой проект исходя из того, что Статут «должен состоять лишь из основных положений». В нем подчеркивалась роль законодательной и исполнительной власти, которую следовало установить на демократических началах. Молотов просит Сталина утвердить прилагаемый проект для его внесения в Комиссию по подготовке Статута [34, л. 1]. Из рукописной записки Геращенко Вышинскому от 29 июля видно, что составленный им проект Статута СТТ был согласован с югославской делегацией и редактировался Молотовым [34, л. 349].

Выводы. Первая масштабная попытка широко обсудить территориальную проблему Истрии—Триеста была предпринята на Берлинской конференции. Это сразу выявило настолько несовместимые подходы и ожидания всех вовлеченных сторон, что вынудило великие державы снять вопрос с обсуждения. Однако именно в Потсдаме был создан СМВД — рабочий орган для подготовки послевоенного мирного урегулирования и решения территориальных проблем. На I (Лондонской) сессии СМВД началась выработка мирного договора с Италией, в том числе и его важнейшего элемента — линии югославо-итальянской границы. Обсуждавшаяся в этой связи проблема Юлийской Краины и Триеста вылилась в острейшую дипломатическую схватку за политическое и экономическое присутствие на Балканах, особенно в их западной части. И СССР, и западные страны проявили неуступчивость, что обусловило срыв работы сессии, не принявшей ни одного документа.

В ходе напряженной полугодовой работы в формате Совещания заместителей министров иностранных дел советская делегация отстаивала присоединение к Югославии Истрии и Триеста,

допуская, в крайнем случае, его интернационализацию. Наиболее остро обсуждалась проблема определения этнической границы. Однако созданная на совещании Межсоюзная комиссия экспертов по итало-югославской границе не смогла прийти к соглашению. Поэтому вместо одной согласованной линии границы были представлены четыре. Наиболее близка к советской была французская линия, которая, однако, воспринималась Белградом как совершенно неприемлемая.

II (Парижская) сессия СМВД работала в обстановке разногласий и взаимного давления. Здесь произошла локализация проблемы Триеста, прозвучали первые советские предложения об объявлении его вольным городом, остро обсуждался режим свободного порта Триест. Особое значение для достижения компромисса имели личные встречи В. М. Молотова и Дж. Бирнса. В итоге на сессии было принято решение об образовании Свободной территории Триест, близкое к советским предложениям; согласован проект Статута СТТ, в который вошли основные положения советской делегации; принята французская линия в качестве основы будущей итало-югославской границы.

Однако основной накал борьбы, в том числе и по вопросу границ СТТ, был еще впереди — на Парижской мирной конференции, III (Нью-Йоркской) сессии СМВД, на этапе подписания мирного договора с Италией (10 февраля 1947 г.) и в ходе попыток ревизии его террито-

риальных статей. Особым сюжетом проблема Триеста выступала в советско-югославском конфликте. Урегулирование проблемы Триеста путем раздела СТТ между Италией и Югославией произошло уже без участия СССР в октябре 1954 г. Окончательно же югославско-итальянская граница была подтверждена лишь в ноябре 1975 г. Однако отголоски долгого конфликта звучат и сегодня. Отношения Словении и Хорватии, наследников югославской части СТТ, омрачены территориальными претензиями по линии сухопутной и морской границы, в решение которых втянуты структуры ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сальков, А. П. Проблема Юлийской Краины (Венеции-Джулии) в советской международной политике (1918—1945 гг.) / А. П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2009. С. 9—30.
2. Jeri, J. Nekateri elementi diplomatske geneze vprasanja jugoslovansko-italijanske razmejnitve po drugi svetovni vojni do leta 1954. / Janko Jeri // Casopis za suvremenu povijest (Zagreb). 1975. Broj 1 (17). Str. 187—239.
3. Bekić, D. Jugoslavija u hladnom ratu: Odnosi s velikita salami / D. Bekić. Zagreb: Globus, 1988. 764 str.
4. Гибианский, Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941—1947 гг. / Л. Я. Гибианский. М. : Наука, 1987. 201 с.
5. Pakor, M. Confint orientale: Questione nazionale e Resistenza nel Friuli-Venezia Giulia / Mario Pakor Milano : Feltrinelli Editore, 1964. 387 p.
6. Duroselle, J.-B. Le conflit de Trieste, 1943—1954 / Jean-Baptiste Duroselle. Bruxelles : Editions de l'institut de sociologie de l'universite libre de Bruxelles, 1966. 647 p.
7. Smets, F. Rijeka—Triest: die Verlagerung eines italienisch-jugoslavischen Konfliktes / Franz Smets. Munchen : Minerva, 1979. 258 p.
8. Valdevit, G. La questine di Trieste 1941 — 1954: Politica internazionale e contesto locale / Giampaolo Valdevit. Milano : Franko Angeli, 1886. 279 p.
9. Dukovski, D. Rat i mir istarski: Model povijesne prijelomnice (1943.—1945.) / Darko Dukovski. Pula: C.A.S.H., 2001. 358 str.
10. Dukovski, D. Egzodus talijanskog stanovništva iz Istre 1945.—1956. / Darko Dukovski // Casopis za suvremenu povijest (Zagreb). 2001. Broj 3. Str. 633—668.
11. Mikolić, M. Istra 1941.—1947.: godine velikih preokreta / Mario Mikolić. Zagreb: Barbat, 2003. 399 str.
12. Slovensko-italijanski odnosi 1880.—1956., poročilo slovensko-italijanske komisije / uredili Milica Kacin Wohinz, Nevenka Troha. Ljubljana: Nova revija, 2001. 163 str.
13. Петрановић, Б. Угославца на размену (1945—1950) / Бранко Петрановић. Подгорица: Црно-горска академца наука и умјетности, 1998. 534 стр.
14. Юнгблюд, В. Т. Политика США в Югославии в 1941 — 1945 гг. / В. Т. Юнгблюд, А. А. Костин. Киров : Изд-во Вятского гос. гуманит. ун-та, 2004. 240 с.
15. Хормач, И. А. СССР — Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х — первая половина 60-х годов: в 2 ч. / И. А. Хормач. М. : Ин-т российской истории РАН, 2005. Ч. 1: СССР — Италия и формирование блоков в Европе, 1943—1955 гг. 417 с.
16. Потехин, А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945—1950 гг. / А. В. Потехин. Киев : Наукова думка, 1991. 138 с.
17. Космач, Е. Н. Политика США в отношении Югославии в 1943—1980 гг. / Е. Н. Космач. Минск : БГПУ, 2007. 336 с.
18. Stadlmayer, V. Kein Kleingeld im Landerschacher: Sudtirol, Triest und Alcide Degasperi, 1945— 1946 / Viktoria Stadlmayer. Innsbruck: Universitatsverlag Wagner, 2002. 358 p.
19. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: в 6 т. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) / сб. документов. М. : Политиздат, 1980. 551 с.
20. Димитров, Г. Дневник. Март 1933 — февруари 1949. Избрано / Георги Димитров. София : Изток — Запад, 2003. 509 с.
21. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы: в 2 т. М. : РОССПЭН, 1999—2002 / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]. Т. 1: 1944—1948 гг. — 1999. 687 с.

22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП(б). Оп. 128. Д. 716 — Записки Отдела международной информации в ЦК ВКП(б) о позиции Югославии и Италии в вопросе о Триесте.
23. *Mikolić, M. Istra 1941.—1947.: godine velikih preokreta / Mario Mikolić. Zagreb : Barbat, 2003. 399 str.*
24. *Агафонова, А. Г. Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД / А. Г. Агафонова // Сталин и холодная война / А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. М. : ИВИ РАН, 1997. С. 63—83.*
25. *Быстрова, Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945—1955 гг.) / Н. Е. Быстрова. М. : Гиперборей: Кучково поле, 2007. 592 с.*
26. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0431/1 (I сессия СМВД в Лондоне, 1945 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 5 — Протоколы и материалы заседаний I сессии СМВД.
27. СССР — Италия: Страницы истории, 1917—1984. Документы и материалы. М. : Политиздат, 1985. 293 с.
28. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.: в 2 т. М.; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998 / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. Т. 1: 1944—1948. 1997. 985 с.
29. Советско-американские отношения. 1945—1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. В. В. Ал-дошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. М. : МФД, 2004. 716 с. (Россия. XX век. Документы).
30. АВПРФ. Ф. 0431/II (II сессия СМВД в Париже, 1946 г.). Оп. 2. П. 2. Д. 6 — Протоколы заседаний заместителей министров по подготовке мирного договора с Италией.
31. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-4459 (ТАСС). Оп. 34. Д. 277 — Досье вестника иностранной информации ТАСС. Международные конференции. Т. 1 (1 января — 2 мая 1946 г.).
32. АВПРФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 7. Д. 32 — Подготовительные материалы советской делегации по мирному договору с Италией.
33. *Аникеев, А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период холодной войны (1945—1957) / А. С. Аникеев. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. 311 с.*
34. АВПРФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 9. Д. 39 — Подготовительные материалы экспертов по мирному договору с Италией.
35. АВПРФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 2. Д. 8 — Материалы заседаний заместителей министров иностранных дел.
36. *Vecerina, D. Talijanski iredentizam / Duško Vecerina. Zagreb: bez izdavaca, 2001. 290 str.*
37. АВПРФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 1. Д. 1 — Стенограммы заседаний II сессии СМВД, ч. 1.
38. СССР и германский вопрос. 1941—1949. Документы из АВПРФ: в 4 т. М. : Междунар. отношения, 1996—2003 / Г. П. Кынин, Й. Лауфер (сост.). Т. 2: 9 мая 1945 — 3 октября 1946 г. 2000. 880 с.
39. АВПРФ. Ф. 077 (Референтура по Венгрии). Оп. 26. П. 118. Д. 26 — Справки, материалы, отчеты референтов.
40. *Гибанский, Л. Я. Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину / Л. Я. Гибанский, Ю. Г. Му-рин // Исторический архив. 1993. № 2. С. 21—25.*
41. АВПРФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 1. Д. 2 — Стенограммы заседаний II сессии СМВД, ч. 2.
42. АВПРФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 1. Д. 3 — Стенограммы заседаний II сессии СМВД, ч. 3.
43. АВПРФ. Ф. 0431/III (III сессия СМВД в Нью-Йорке, 1946 г.). Оп. 3. П. 2. Д. 9 — Подготовительные материалы советской делегации в Комитете по Триесту.

SUMMARY

The article studies the motives and intermediate results of Diplomatic Struggle between the Soviet Unions and its Western Allies in the question of Yugoslavian-Italian national and territorial dispute of Julian Region. In the conditions of raising confrontation between former Allies in World War II this problem took the local importance. It concerned the questions of frontier in Istria and Slovene Coastal Area, state belonging of Trieste as well as international regulation of Trieste free port. The discussion these questions about took place during Potsdam Conference, I-st (London) Session of Foreign Affairs Ministers Council (FAMC) of Great Britain, the USSR, the USA, France and China, meeting of Foreign Affairs Vice-Ministers, II-nd (Paris) FAMC, working bodies of abovementioned forums. In the frame of these meetings a range of approaches in the whole corresponding the Soviet and Yugoslavian interests were conciliated. The discussion these approaches about as well as resulting decisions were continued some time later during the Paris Peace Conference in 1946 and III-rd (New-York) FAMC Session.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2009 г